

RU

Феномен забывания в научном познании

Демидова Е. И., Дуплинская Ю. М., Стеклова И. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление онтологических истоков забывания на основе анализа когнитивных механизмов исследования – системы мыслительных процессов, с помощью которых ученый воспринимает, обрабатывает и трансформирует информацию для получения нового знания. Научная новизна исследования заключается в утверждении положения о том, что онтологические основания забывания укоренены в самой природе человеческого бытия, где забвение выступает не просто как биологический сбой или пассивный дефект памяти, а как фундаментальное условие существования, структурирования времени и самоопределения человека, которое детерминирует и научное познание. Онтологическими началами забывания выступают состояния «жамевю» и «прескевю», потому что в отличие от эффекта «дежавю», представляющего собой психическое состояние, в котором одновременно конфликтуют альтернативные оценки одной ситуации, «жамевю» – ощущение новизны при осознании того, что это событие уже было, а «прескевю» – темпоральное забвение. В результате исследования установлено, что онтологически забывание – это не «отсутствие памяти», а самостоятельная активная сила. Она удерживает баланс между бытием и небытием, защищает сознание от перегрузки, в том числе хаосом, и создает ту пустоту, в которой только и может родиться новое содержание, мысль или действие, что является существенным аспектом в научно-исследовательской деятельности.

EN

The phenomenon of forgetting in scientific cognition

E. I. Demidova, Y. M. Duplinskaya, I. V. Steklova

Abstract. The aim of the research is to identify the ontological origins of forgetting based on an analysis of cognitive research mechanisms – a system of mental processes through which a scientist perceives, processes, and transforms information to obtain new knowledge. The scientific novelty of the study lies in asserting the proposition that the ontological foundations of forgetting are rooted in the very nature of human being, where oblivion acts not merely as a biological failure or a passive defect of memory, but as a fundamental condition of existence, the structuring of time, and human self-determination, which also determines scientific cognition. The ontological origins of forgetting are the states of "jamais vu" and "presque vu" because, unlike the "déjà vu" effect, which is a mental state in which alternative evaluations of the same situation conflict simultaneously, "jamais vu" is a sense of novelty while realizing that the event has already occurred, and "presque vu" is temporal oblivion. As a result of the study, it was established that ontologically, forgetting is not an "absence of memory," but an independent active force. It maintains a balance between being and non-being, protects consciousness from overload, including from chaos, and creates the very void in which alone new content, thought, or action can be born, which is an essential aspect of scientific research activity.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в информационную эпоху феномен забывания радикально изменился и требует философского анализа. Мозг человека адаптировался к постоянному доступу к сети, возник так называемый эффект Google или иначе – цифровая амнезия, то есть тенденция забывать материалы, которые можно легко обнаружить в интернете. Забывание «изменилось» следующим образом: функции памяти делегированы смартфонам и поисковым системам (внешнее хранение); мозг запоминает не саму информацию, а место её хранения (смена фокуса); избыток контента ухудшает консолидацию, замедляется перенос данных в долговременную память (перегрузка); люди лучше помнят общую суть, но упускают точные факты (потеря деталей). В сложившейся ситуации можно обнаружить плюсы и минусы забывания. Положительными факторами можно считать экономию времени на заучивание, освобождение ресурсов

для творчества, развитие навыков быстрого поиска. К отрицательным факторам относятся зависимость от интернета и гаджетов, снижение эрудиции и общей грамотности, ухудшение концентрации внимания. Таким образом, в цифровую эпоху проблема забывания становится особенно актуальной, потому что информационное пространство постоянно расширяется и усложняется. Научное познание, в частности, насыщено информацией, являющейся основой для выработки знаний, но не весь ее объем должен оставаться в памяти. Поэтому анализ природы субъективной реальности и забывания как условия сохранения рациональности мышления в целом и научно-исследовательской деятельности в частности требует разработки методологии его постижения в контексте развития науки, техники и человеческой культуры.

Для реализации цели исследования в статье формулируются следующие задачи:

- выявляя закономерности формирования, генезиса и исторической эволюции онтологии забывания, проанализировать классические и современные философские программы, отражающие данную проблему;
- осуществить поиск онтологических начал феномена забывания и представить методологические функции онтологии забывания в развитии современной науки;
- охарактеризовать специфику забывания в научном познании при исследовании когнитивных способностей человека в условиях научно-технического прогресса.

Для исследования проблемы забывания в научном познании в статье используются: онтологический подход, направленный на изучение, описание и структурирование забывания и его фундаментальных свойств и связей; феноменологический подход, позволяющий исследовать субъективный жизненный опыт человека и описывать механизм забвения; диалектический подход, который предоставляет возможность рассматривать категории и уровни бытия, а также сущность, предпосылки и границы забывания; герменевтический подход, обеспечивающий возможность максимально глубоко понимать, истолковывать и раскрывать скрытые смыслы памяти; общенаучные методы аналогии, анализа, синтеза, моделирования, индукции и дедукции.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальная онтология (Хайдеггер, 2007), феноменологическое наследие (Гуссерль, 2010; 2025; Мерло-Понти, 1999), герменевтические философские воззрения (Рикёр, 2004), работы представителей философии жизни и интуитивизма (Бергсон, 2020; Ницше, 1990), постмодернистские концепции (Делёз, 1998; Derrida, 1996), психоаналитическая философия (Фрейд, 1910), философия культуры (Бахтин, 1997), труды, относящиеся к направлению исследований Больших данных (Big Data) и к цифровой экономике и регулированию интернета (Майер-Шенбергер, Кукьер, 2014), а также современный дискурсивный теоретический материал по исследуемой проблеме (Шевцов, 2018; Шестов, 2014), кривая забывания Эббингауза (1893), представляющая собой график, который демонстрирует скорость забывания потери информации.

Практическая значимость философского аспекта забывания заключается в том, что оно рассматривается не как дефект памяти, а как необходимый инструмент для адаптации и развития личности; как эффективный механизм мышления, творчества и управления знаниями в научно-исследовательской работе. Материалы статьи могут быть использованы для разработки учебных программ по различным дисциплинам, преподаваемым в высших учебных заведениях, например таких как «Методология научного исследования» и «Философские проблемы творчества».

Обсуждение и результаты

При забывании мозгом осуществляется операция, приводящая к частичной недоступности получаемой информации или к полному удалению ее следов. В истории философии имеются попытки выявить специфику данного феномена и описать его функции, но онтологический аспект уступает в исследованиях гносеологическому и антропологическому взгляду на проблему. М. Оже, рассматривая забывание как жизненную силу, которая необходима для оценки настоящего, отмечал: «Мы должны забывать, чтобы оставаться присутствующими...» (Auge, 2004, p. 89). В рамках концепции культурной памяти появился методологический подход исследовать процесс забывания в двух фазах, «когда нечто погружается в забвение или возвращается из него» (Ассман, 2019, с. 25).

Данную проблему изучают психологи, они представляют забывание как целесообразный физиологический процесс, защищающий человека от избытка информации. В ряде работ о специфике забывания в цифровом пространстве, в частности, утверждается, что удаленные важные данные запоминаются мозгом лучше, чем сохраненные (Взорин, Букинич, Нуркова, 2024, с. 498). Герман Эббингауз еще в XIX веке разработал график (кривая забывания Эббингауза), демонстрирующий экспоненциальную потерю информации в человеческой памяти с течением времени, если полученные знания не закреплять повторением. Он открыл этот закон в 1885 году путем экспериментов и установил, что наибольший объем материала теряется сразу после заучивания. Им был выявлен ряд закономерностей: во-первых, он доказал, что осмысленный текст запоминается во много раз быстрее (фактор осмысленности); во-вторых, с ростом объема информации сложность заучивания увеличивается не линейно, а в геометрической прогрессии (объем информации); в-третьих, первые и последние элементы в цепочке данных запоминаются значительно лучше, чем середина (эффект края). Для преодоления забывания Г. Эббингауз (1893) применял метод интервального повторения. Можно сделать вывод, что в целом исследователей больше волновал вопрос преодоления забывания, а не его положительные функции.

По мере расширения исследовательской деятельности, роста объема и разнообразия информации актуальной становится и продуктивная функция забывания. В философии (особенно в феноменологии, экзистен-

циализме и герменевтике) забывание рассматривается как первичный, созидательный процесс, конституирующий реальность.

В феноменологии забывание рассматривается не как пассивное изменение памяти или исчезновение информации из мозга, а как активный, структурный процесс сознания, меняющий восприятие человека и ученого в частности. Так, Э. Гуссерль является автором модели сознания времени, которая состоит из трех элементов: импрессия (настоящее время), ретенция (начальное удержание уходящего мгновенного события, когда событие плавно уходит в прошлое и трансформируется) и протенция (ожидание будущего). Забывание – это непрерывный поток интенционального объекта от максимальной ясности к неразличимости. Но он не исчезает бесследно, потому что оседает в подсознании, формируя жизненный путь личности и опыт, используя который человек определяет настоящее. Континуум модификаций заключается в том, что по мере удаления от настоящего, ретенция слабеет. Феномен теряет свою ясность и переходит в горизонт неактуального. С точки зрения Э. Гуссерля (2025), забывание – это не пустота, а особая форма присутствия прошлого в настоящем, трансформация горизонта сознания и необходимое условие для восприятия нового опыта. Для него забывание – это конституирующий элемент сознания, без которого сознание было бы перегружено огромным потоком удерживаемых «актуальных» моментов. Забывание очищает горизонт восприятия, переводя пережитое в фоновый режим. Первоначально Гуссерль выделяет две формы забывания. Во-первых, относительное забывание, когда опыт «оседает» на дно сознания и переходит в пассивную форму, то есть сохраняется в интенциональном горизонте. Его можно актуализировать через вторичное воспоминание или при столкновении с ассоциативным стимулом. Во-вторых, абсолютное забывание – полное стирание феномена из интенциональной структуры. Данный опыт теряет аффективную силу и связь с ассоциативным мышлением, из-за чего его репродукция становится невозможной. В более поздний период своей творческой деятельности Э. Гуссерль вводит в анализ памяти понятие «аффективного пробуждения» – процесс оживления интенционального смысла, когда скрытый в пассивном бессознательном прошлый опыт опять появляется в памяти, приобретая аффективную силу для воздействия на актуальное сознание в настоящий момент. Опыт, таким образом, находящийся в состоянии относительного забывания, обладает скрытым аффективным потенциалом. Если новое впечатление ассоциативно перекликается с «забытым опытом», происходит «энергетический толчок», который приводит к тому, что скрытый феномен из забытья превращает пассивный осадок прошлого в актуальное воспоминание. Э. Гуссерль формулирует «закон», согласно которому репродуктивное пробуждение скрытых слоев сознания является необходимым условием и фундаментом для того, чтобы «пробуждение превратилось в воспоминание» (2010, с. 181). По Э. Гуссерлю, сознание всегда направлено на предмет. При забывании интенциональный акт теряет свой объект, оставляя лишь смутный горизонт или «намеки» на него.

М. Мерло-Понти (1999, с. 524-527) рассматривал память и забывание как способ физического «присутствия» прошлого, а не как хранилище данных. С его точки зрения, забывание не является внезапным событием, а представляет собой естественное угасание вовлеченности тела в ту или иную ситуацию. Забвение, по его мнению, не просто «стирание» файлов, а освобождение нашего сознания и тела, потому что, чтобы ориентироваться в настоящем, человек должен удалять лишнее, переводя пережитый опыт в особый режим. М. Мерло-Понти отмечает, что человек помнит то, что существует не в виде мысленных картинок, а в форме нашей телесной включенности (навыки определенных действий). Забывание, таким образом, на уровне ума компенсируется памятью привычки. Философ подчеркивает, что, забывая события, человек перманентно переформулирует смыслы, накопившиеся в его жизни, и адаптирует прошлое к текущему моменту.

Особенно широко исследовалась проблема забывания в рамках герменевтики. Наиболее значительный вклад в изучение феномена забывания внес П. Рикёр, который анализирует разрушение следов памяти (пассивное забвение) и «этическое забвение» (управляемое). Он ставит это понятие в один ряд с «историей» и «памятью», потому что оно является символом исторического состояния, «забвение остается внушающей опасения угрозой, которая вырисовывается на заднем плане феноменологии памяти и эпистемологии истории» (Рикёр, 2004, с. 573). Ф. Ницше (1990, с. 158-230), вводя в философский лексикон понятие «активное забывание», утверждал, что забывание является симптомом здоровья, силы духа и жизненной энергии. С его точки зрения, без способности забывать человек не может быть счастливым и пребывать в современности. По Ф. Ницше, абсолютная память парализовала бы человека. Забывание очищает горизонт восприятия для нового опыта. По М. Хайдеггеру, «забытость есть временный смысл способа бытия»; «как выжидание возможно лишь на основе ожидания, так воспоминание – на основе забывания, но не наоборот; ибо в модусе забывания бытие первично “размыкает” горизонт, в который может вникнуть воспоминанием присутствие» (1997, с. 339). Согласно М. Хайдеггеру, забывание – это не просто потеря прошлого, это способ человеческого бытия (Dasein) отдалиться от своего начала, увязая в повседневной рутине настоящего. Если в основе воспоминания находится забывание, то встает вопрос о том, что является онтологическим началом забывания. К. П. Шевцов (2018) показывает, что забывание – «конструктивный феномен», который связан с личностной идентификацией, определяет использование критерия истинности, способствует появлению новых смыслов, что имеет прямое отношение к научной деятельности, поскольку научное открытие – это всегда творческий акт. Научная работа как творческий процесс имеет отношение к такому явлению как озарение, когда забывание события или временное переключение на другой аспект проблемы активируют подсознание и провоцируют его на инсайт. В. Майер-Шенбергер, К. Куьер (2014, с. 120-135) утверждают, в частности, что отсутствие этой способности у человека лишает его возможности пользоваться правом учиться на ошибках.

При выяснении онтологического начала забывания целесообразно обратиться к причинам, приводящим сознание человека к состоянию забвения, которое может быть полным, частичным или временным. Если факты или события забываются с течением времени (они не являются актуальными), когда человек регулярно не повторяет информацию, то такое забывание в психологии называется угасанием следа.

А. Бергсон выделяет память-привычку (телесную) и память-воспоминание (чистый дух). По его мнению, память имеет духовную природу, а физическое тело и мозг служат лишь фильтром, который оберегает сознание от неактуальной информации прошлого. А. Бергсон (2020, с. 230-245) утверждает, что нервная система стирает большой объем воспоминаний и пропускает образы, которые необходимы в настоящее время. Размышляя о забывании, А. Бергсон приходит к выводу, что весь прошлый опыт, зафиксированный в памяти, остается в ней навсегда. Он разрабатывает механизмы прагматического отбора, которые блокируют неактуальные знания, чтобы они не ограничивали возможности познающего в настоящем времени. Для иллюстрации данной теории А. Бергсон (2020, с. 146-148) проводит аналогию между всем предшествующим опытом человека и схемой перевернутого конуса, где в его основании сосредоточена память в полном объеме, а вершина его – это память человека в настоящий момент времени, то есть пространство конуса – это разные ступени забывания.

Ж. Делёз (2000, с. 95-182), анализируя данную концепцию А. Бергсона, использует ее для своих умозаключений. Он считает, что прошлое существует в виртуальном состоянии, оно сосуществует с настоящим. С его точки зрения, прошлое повторяется на уровнях конуса.

В данном пространстве особое место занимает состояние жамевю, потому что оно является представлением, при котором известное событие, мысль, идея, место ощущаются абсолютно незнакомыми. Человек думает, что первый раз сталкивается с ситуацией, а она была уже в прошлом. Например, в научно-исследовательской работе многократное обращение к одному и тому же труду может привести к мнению, что работа не является актуальной. По Ж. Делёзу, симулируемый смысл происходит из онтологического смысла, он «дрейфует как простой результат онтологической причины, швыряющий его подобно шторму» (1998, с. 361). Внешнее сходство симулякра с оригиналом становится усвоенным в системе представлений, то есть, например, внешние социальные формы, правила и опыт переходят во внутреннее содержание личности. Противоположным состоянием является дежавю, когда человек думает, что какой-то факт был в его жизнедеятельности, а его на самом деле не было. Ж. Деррида (Derrida, 1996, р. 11-12), рассматривая вопрос уничтожения данных, сделал вывод, что любой архив как структура памяти создается через институциональное забывание ненужного культуры.

Еще одной причиной забывания является накладывание одной информации на другую. Интерференция в научной деятельности возникает в работе исследователя тогда, когда имеющийся массив данных начинает соотноситься с новыми знаниями при анализе степени изученности той или иной проблемы или собственными выводами. Данная корреляция может препятствовать усвоению и пониманию нового материала, формулировке новых положений. В результате появляется состояние дежавю, когда кажется, что формулируемые выводы уже были сделаны ранее, хотя ни исследований и, соответственно, выводов по проблеме не было в исследовательской литературе и истории мышления.

Причиной забывания может быть отсутствие повода вспоминать прошлое. С точки зрения теории утерянного доступа информация зашифровывается в долговременной памяти и мозг не в состоянии найти ключ для ее актуализации. Причиной потери памяти может быть мотивированное забывание, когда из сознания исчезают опасные факты, болезненные моменты в жизни человека. В таком случае можно говорить о таком феномене, как прескевю, в переводе с французского – «почти увиденное». Это состояние З. Фрейд называл «на кончике языка», когда событие временно исчезает из памяти, но остается ощущение чего-либо уже известного. При этом частично остается в памяти или начало события, или первая буква в слове. З. Фрейд (1910, с. 3-12) связывал прескевю с когнитивными структурами психологической защиты. С его точки зрения, сознание блокирует событие или слово в случае возникновения у человека неприятных ассоциаций, которые могут травмировать его психику. Кроме перечисленных причин могут быть еще физиологические причины, но в данном контексте они не являются актуальными.

Забывание в структуре «исторической памяти» рассматривается Н. И. Шестовым (2014, с. 80), который считает, что «забывание», «механизмы забывания» и «политика забывания» недостаточно изучены исследователями. Н. И. Шестов понимает забывание как естественный, структурированный и политически детерминированный механизм работы исторической памяти. С его точки зрения, сохранение и забывание исторической информации – это две стороны одной и той же мнемонической способности. Он связывает данный феномен с мифологизацией, потому что процесс забывания коррелирует с конструированием социальных мифов (Шестов, 2014, с. 80-83). Когда определенные исторические факты «стираются» или уходят на периферию, их место занимают мифологизированные нарративы, стабилизирующие общество. В их основе лежат одни и те же социальные механизмы. Историческая память не может хранить абсолютно все события прошлого. Таким образом, забывание часто носит направленный характер для снижения общественных травм или легитимации текущего политического порядка. Следует отметить, что достаточно часто, преследуя определенные политические цели, осуществляются деструктивные действия и манипулятивные практики, которые выражаются в фальсификации событий прошлого, замалчивании важных для социума аспектов исторического наследия, навязывании альтернативных интерпретаций значимых исторических явлений.

М. М. Бахтин (1997), анализируя память как социокультурное явление, «выходил за пределы» памяти конкретного человека, считал, что ключевую роль играет диалог и передача смыслов через поколения. Интересно,

что сам М. М. Бахтин и его творческое научное наследие были практически «забыты» до 1960-х годов. Вопросы памяти и забвения М. М. Бахтин начал заниматься в процессе работы над исследованием «Франсуа Рабле в истории реализма». Именно с книгой о Рабле связано появление концептов «большая память», «большое время», «большой мир». М. М. Бахтин (1997, с. 79-80) рассматривает забывание не как пассивный провал памяти, а как динамический культурный механизм, неразрывно связанный с его ключевой концепцией «большого времени». Забывание, с его точки зрения, всегда уравнивается «большой памятью» человечества, в которой ни один культурный смысл не умирает окончательно. М. М. Бахтин утверждал, что смыслы рождаются в «малом времени» (текущей эпохе), но живут и раскрываются в «большом времени». По его мнению, в рамках «малого времени» (жизни одного поколения или эпохи) культура может временно забывать целые пласты смыслов или традиций (смысловая амнезия). Культурно значимое наследие не исчезает бесследно. Забытое уходит на периферию или в «подполье» культуры, сохраняясь в «большой памяти» (прежде всего в жанровых структурах и фольклорных архетипах (бессмертие в большой памяти)). В новые эпохи, под влиянием нового диалогического контекста, «забытые» смыслы актуализируются, пробуждаются и начинают звучать по-новому, часто обогащаясь тем, чего в них не видели создатели. Большая память в понимании М. М. Бахтина – это объективная память человечества, которая преодолевает языковые, национальные, культурные и ментальные границы. История стремится к объективности факта, процесса, события. Историческая память – это обращение человека к прошлому в целях обретения индивидуальной и групповой идентичности, ментальной устойчивости в условиях быстро меняющейся среды.

В научно-исследовательской работе основными причинами необходимости забывания являются: фильтрация информационных потоков, когда сознание избавляется от второстепенных сведений и в памяти остаются исключительно существенные моменты и закономерности; преодоление инерции мышления, при которой ученый может посмотреть на изучаемую систему под другим углом зрения. При забывании старых теорий и гипотез человек может выйти за рамки шаблонов мышления.

Забывание – это активный механизм фильтрации информации, который защищает мозг исследователя от перегрузки, оптимизирует расход энергии и обеспечивает когнитивную гибкость. Такой фильтр нужен для экономии ресурсов когнитивных возможностей, так как в условиях информационного взрыва естественные фильтры мозга не справляются, что приводит к когнитивным ошибкам. Мозг начинает автоматически упрощать сложные концепции ради экономии энергии. Данный биологический принцип сегодня внедряют в искусственный интеллект. Без алгоритмов искусственного «забывания» нейросети сталкиваются с проблемой «катастрофического забывания» или «полного заикливания», когда избыток старых данных мешает модели обучаться новому. Фильтр памяти необходим для очистки оперативной памяти. Аналогия между забыванием у человека и очисткой оперативной памяти компьютера биологически и функционально абсолютно точна. В нейробиологии забывание больше не считается «ошибкой» или сбоем системы – это активный, необходимый процесс, который защищает мозг от перегрузки, повышает его гибкость и помогает адаптироваться к меняющемуся миру. Забывание способствует для перехода к суждениям от частного к общему, то есть актуализирует индуктивное мышление. Забывание – это не сбой памяти, а активная система, которая обеспечивает работу индуктивного мышления. Индуктивный метод невозможен без очистки памяти от лишних деталей. Забывание и индуктивное мышление тесно связаны, так как забывание является необходимым биологическим фильтром, позволяющим мозгу обобщать частные факты и формировать семантическую память. Без способности забывать детали индуктивное мышление было бы перегружено избыточной информацией. Индуктивное мышление, построенное по принципу «от частного к общему», собирает единичные факты и ищет в них закономерности.

В этом процессе забывание выполняет три ключевые функции: абстрагирование, потому что, чтобы вывести общее правило, мозг должен стереть из памяти уникальные, несущественные детали каждого конкретного случая; экономия ресурсов и формирование семантической памяти, поскольку забывание эпизодических деталей помогает знанию перейти в разряд общих фактов. В современной философии присутствует дискуссия по поводу семантической памяти. В целом она исследуется как пропозициональная, фактологическая или концептуальная память. При этом существует критика изоляции эпизодической памяти от семантической, потому что контент памяти со временем неизбежно «дрейфует» от эпизодической структуры к семантической (процесс семантизации). В частности, имеется точка зрения рассматривать декларативную память как единый континуум (Aronowitz, 2025). Семантическая память, в отличие от эпизодической памяти, хранит общие факты, значения слов и законы. По природе забывания ей характерна способность блокировки доступа к имеющемуся «архиву». Она долго остается стабильной и даже растет с взрослением человека. Семантическая память не зависит от времени и места кодирования, тогда как эпизодическая память привязана к моменту события. Семантическая память устроена особым образом, потому что человеческий мозг кодирует абстрактные знания через систему взаимосвязанных узлов. Забывание происходит быстрее и глубже, если нарушается структура этой сети. Мозг группирует объекты от общего к частному, и быстрее забываются специфические детали на нижних уровнях. Более того, важные термины имеют сотни связей. Если блокируется или повреждается крупный узел, человек теряет доступ к целому пласту связанных понятий.

Однако в научной работе имеются опасности связи забывания и индукции, потому что естественные сбои в работе памяти могут приводить к логическим ошибкам и когнитивным искажениям. Во-первых, склонность к подтверждению приводит к тому, что исследователь, как правило, избирательно запоминает только те факты, которые подтверждают индуктивную гипотезу. В результате он быстро забывает информацию, которая ей противоречит, что может привести к созданию ложных стереотипов. Во-вторых, может произойти

искажение выборки, так как из памяти стираются старые или менее эмоциональные события. Индуктивный вывод делается на основе случайной выборки «свежих» воспоминаний, что снижает точность обобщения. В-третьих, реконсолидация памяти «грозит» тем, что при активации старого воспоминания и наложении на него нового опыта прошлые детали могут стираться или видоизменяться, из-за чего мозг выстраивает индуктивные цепочки на искаженном фундаменте.

Забвение играет также важную роль для психологической защиты в научно-исследовательской деятельности, потому что забывание как механизм психологической защиты – это бессознательный процесс удаления из сознания травмирующей информации, снижающий уровень тревоги и защищающий психику от перегрузок. В отличие от обычного когнитивного забывания (из-за неустойчивости данных), защитное забывание носит избирательный и мотивированный характер. Главный механизм защитного «забывания» – это репрессия, когда автоматически вытесняются и перемещаются ненужные мысли и тяжелые воспоминания из сознания в пространство бессознательного. В результате человек откровенно не помнит пережитое. Важную роль в механизме защитного забывания играет «подавление» воспоминаний. Суть его заключается в том, что осуществляется осознанный отказ думать о травмирующей проблеме. В познавательной деятельности исследователь, стараясь забыть об имеющемся стрессе, усилием воли переключает внимание. В результате блокировки из памяти стираются не факты, а связанные с ними сильные эмоции. Например, разработчик детально помнит неудачный эксперимент, но размышляет о нем безэмоционально. Наконец, в результате искаженных воспоминаний психика переписывает детали прошлого события. Отрицательный опыт воспринимается уже не как негативное явление. Образ ученого модифицируется в лучшую сторону для сохранения стабильной самооценки.

Иногда инерция мышления заставляет исследователя решать новые задачи старыми и привычными методами, что в целом не противоречит установкам исследовательской деятельности, но иногда в связи с неэффективностью научного поиска надо искать новые методы или систему как общенаучных, так и частнонаучных методов. Мозг склонен идти по пути наименьшего сопротивления, используя уже сформированные, «накатанные» нейронные связи. Забывание становится системным барьером для этой инерции, то есть ослабление старых стереотипов лишает мозг возможности принимать привычное решение, исчезает фиксированная привязка понятий к конкретным сценариям. Этот феномен можно применять, если использовать дефокусировку, а именно – делать паузы в поиске сложных решений. Далее, осуществлять смену контекста – перемещать фиксацию внимания. И, наконец, сочетание применения уже традиционной терминологии с новыми понятиями и категориями может привести к успеху. В итоге функции забывания в преодолении инерции сводятся к следующему: освобождение когнитивного ресурса, адаптация к изменениям (забывание работает как «перезагрузка»), уход от ментальных тупиков (временное переключение).

Забывание способствует снижению когнитивной перегрузки, освобождает память для выделения главных целей и задач, потому что перегруженный неактуальной информацией по проблеме мозг неэффективно анализирует и синтезирует информацию. Забывание несущественных деталей предоставляет ученому возможность увидеть современную научную картину мира. В результате абстрагирования создаются концепции и теории.

Закключение

Таким образом, в научном контексте забывание – это не сбой памяти, а активный механизм, необходимый для эффективной работы мозга и обработки информации. Методологические функции онтологии забывания (категориально-направляющая, интегративная, критико-прогностическая, нормативная, интерпретативная) заключаются в конституировании концептуальной основы, правил и категориального аппарата для научного познания и проектирования систем. Специфика забывания в науке определяется основными причинами забывания в исследовательской работе: освобождение ресурсов (мозг стирает неважные детали для экономии энергии); повышение гибкости мышления (удаление старых данных помогает быстрее адаптироваться к изменениям); генерализация знаний (забывание мелочей позволяет выделять главное и формировать абстрактные концепции); снижение инфоксаци (очистка памяти защищает от информационной перегрузки); эффективное извлечение знаний (без лишней информации мозг быстрее находит нужные данные); исключение ошибок (забывание ложных или устаревших убеждений открывает путь к новым открытиям).

Забывание – это и негативная, и релевантная функция памяти, что подтверждали многие исследователи данного феномена. Онтологическими началами его можно считать состояния жамевю и прескевю, но никак не дежавю, потому что у первых двух состояний имеется прошлое событие, то есть оно имело место быть и потом по разным причинам было забыто. У состояния дежавю нет прошлой истории, и оно, скорее, связано с фантазией и воображением. В научной работе забывание выступает важным механизмом фильтрации фактов памяти, который позволяет исследователю очистить когнитивное пространство в познавательном процессе.

В качестве перспективы дальнейшего философского исследования проблемы забывания можно определить особенности полной и частичной потери памяти в цифровую эпоху.

Источники | References

1. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
2. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» (1944) // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянских культур, 1997. Т. 5.
3. Бергсон А. Материя и память. М.: Академический проект, 2020.

4. Взорин Г. Д., Букинич А. М., Нуркова В. В. Переосмысляя Google-эффект: целесообразность забывания сохраненного на внешнем носителе материала // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. № 3.
5. Гуссерль Э. Анализ, касающийся пассивного и активного синтеза. Лекции по трансцендентальной логике. М.: Академический проект; Трикста, 2010.
6. Гуссерль Э. К феноменологии сознания внутреннего времени (1893-1917). М.: РГГУ; Академический проект, 2025.
7. Делёз Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Пер Сэ, 2000.
8. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
9. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / пер. с англ. И. Гайдюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.
10. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
11. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
12. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
14. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Современные проблемы, 1910.
15. Шевцов К. П. Философия памяти. СПб.: Издательство РХГА, 2018.
16. Шестов Н. И. Механизмы «забывания» в структуре исторической памяти // История и историческая память. 2014. Вып. 9.
17. Эббингауз Г. О памяти. М.: Университетская типография, 1893.
18. Aronowitz S. Semanticization Challenges the Episodic–Semantic Distinction // The British Journal for the Philosophy of Science. 2025. Vol. 76. No. 4. <https://doi.org/10.1086/721760>
19. Auge M. Oblivion. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
20. Derrida J. Archive Fever: A Freudian Impression / transl. by E. Prenowitz. Chicago: University of Chicago Press, 1996. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226851228.001.0001>

Информация об авторах | Author information

Демидова Елена Игоревна¹, д. ист. н., проф.

Дуплинская Юлия Михайловна², д. филос. н., проф.

Стеклова Ирина Владимировна³, д. филос. н., проф.

^{1,3} Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Elena Igorevna Demidova¹, Dr

Yulia Mikhailovna Duplinskaya², Dr

Irina Vladimirovna Steklova³, Dr

^{1,3} Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

² National Research Saratov State University

¹ demidova-elena@yandex.ru, ² duplinskayay@mail.ru, ³ irinasteklowa@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.07.2026; опубликовано online (published online): 08.09.2026.

Ключевые слова (keywords): онтологические основания забывания; жамевю и прескевю; когнитивные механизмы; научно-исследовательская деятельность; эффект дежавю; ontological foundations of forgetting; jamais vu and presque vu; cognitive mechanisms; scientific research activity; déjà vu effect.